

(Продолжение. Начало [«В» от 10.11.2021](#), [от 17.11.2021](#), [от 24.11.2021](#))

Часть IV

Читатель, наверное, уже устал от бесконечного перечисления номеров дивизий и бригад, принимавших участие в битве под Москвой. Но от них не уйти. Тому есть несколько причин. Во-первых, без нумерации соединений просто не обойтись, рассказывая об ожесточенных боях, развернувшихся осенью 1941 года, но не только. Называя номера дивизий и бригад, места их дислокации перед переброской на Западный фронт, я стремлюсь опровергнуть еще одно устоявшееся, но неверное представление о Московской битве.

В бой с одной винтовкой на пятерых не ходили

Многие сегодня полагают, что под гусеницы немецких танков Иосиф Сталин, Борис Шапошников, Георгий Жуков бросали дивизии народного ополчения (ДНО), «вооруженные одной винтовкой на пятерых необученных бойцов». Истина же заключается в том, что ни одна из ДНО в качестве соединений ополчения в боях на подступах к столице не участвовала. Дивизии народного ополчения, созданные в июле, к моменту начала битвы за Москву уже были переформированы в организационную структуру и штаты стрелковой дивизии образца 1941 года. Одна из бывших ДНО – 18-я СД сражалась на Волоколамском направлении совместно с соединениями Ивана Панфилова и полковника Афанасия Белобородова.

Возглавлял 18-ю стрелковую дивизию с момента её формирования кадровый командир Красной Армии полковник Петр Живалев, отличившийся в ходе советско-финской войны. К 20 сентября в её составе насчитывалось около 11 тысяч человек, она имела на вооружении карабинов – 6 345, самозарядных винтовок – 1 366, станковых и ручных пулеметов – 293, пистолетов-пулеметов Дегтярева – 160, орудий различного калибра – 40. Остальные бывшие ДНО были укомплектованы и вооружены еще лучше.

Есть один красноречивый факт, который позволяет судить, как о вооружении 9-й ДНО,

переформированной в сентябре 1941 года в 139-ю стрелковую дивизию, так и об уровне дисциплины в ней. Вот что сообщал о соединении сотрудник особого отдела: «В первом батальоне 2-го полка 9-й ДНО за время марша от Малоярославца до Бородино ополченцы растеряли 4 800 патронов, 96 гранат, 2 ручных пулемета. В 1-м полку один пулемет забыли в лесу, 5 в разобранном виде оставили на дороге в повозке, взятой у колхозников».

Четыре дивизии народного ополчения, сформированные в столице в октябре 1941 года, вообще в Московской битве участия не принимали. Их формирование и боевое сколачивание завершилось к концу января 1942 года. Тогда же был издан приказ Генерального штаба РККА о включении соединений в состав Красной Армии как стрелковых дивизий – 129-й, 130-й, 155-й и 158-й.

Хочу еще раз подчеркнуть: в боях под Москвой особого недостатка в обычных видах вооружения наши войска не испытывали. Не хватало танков, штурмовиков, снарядов, особенно бронебойных, мин, боеприпасов для «Катюш». Морально-политическое состояние целого ряда частей, увы, оценивалось как низкое...

Расстреляны перед строем...

Бойцы и командиры Красной Армии уставали от непрерывных кровопролитных боёв и поражений. Тяжело война давалась и противнику. Даже несмотря на то, что гитлеровцы обладали психологическим преимуществом, характерным для наступающей стороны, у немцев впервые под Москвой массовым явлением становится отправка военнослужащих в штрафные подразделения.

В зимнюю кампанию 1941–1942 годов через германские военно-полевые суды на Восточном фронте прошли свыше 62 тысяч военнослужащих вермахта и СС. Штрафные подразделения у гитлеровцев появились значительно раньше, нежели в Красной Армии, и содержание в них отличались более строгими условиями. Если срок нахождения в штрафных батальонах и ротах РККА, созданных летом 1942 года, ограничивался 3 месяцами, и мог быть сокращен с восстановлением в звании, должности и возвращением наград отличившимся в боях, а также получившим средние и тяжелые ранения военнослужащим, то у немцев таких послаблений не предусматривалось.

В их варианты дисциплинарных подразделений – так называемые «пятисотые» батальоны, полевые штрафные подразделения (ФГА) солдаты и офицеры отправлялись без указания срока. В ФГА осужденным военнотружущим оружие не выдавалось. Находящиеся в штрафных подразделениях немцы чаще всего использовались «для самой тяжелой работы в предельно опасных условиях фронтовой зоны».

Дополнительные дисциплинарные меры требовались и для некоторых советских бойцов и командиров. В широко известных мемуарах Георгия Жукова «Воспоминания и размышления» в главе, посвященной Московской битве, о возникших трудностях говорится коротко: «С 20 октября в Москве и прилегающих к ней районах постановлением Государственного комитета обороны было введено осадное положение. Во всех войсках, защищавших столицу, установился строжайший порядок. Каждое серьезное нарушение дисциплины каралось решительными мерами».

Суровое время требовало суровых мер. В специальном приказе командующий Западным фронтом Георгий Жуков требовал: «Все, от рядового красноармейца до старших командиров, должны смело и непреклонно сражаться за Родину, за Москву! Проявление трусости и паники в этих условиях равносильно предательству. В связи с этим приказываю: 1. Трусцов и паникеров, оставляющих поле боя, покидающих без приказа занимаемые позиции и бросающих оружие и снаряжение, расстреливать на месте. 2. Ответственность за выполнение этого приказа возложить на военные суды и прокуратуру... Ни шагу назад! Вперед за Родину!»

Еще ранее, 16 августа, Ставка издала приказ № 270, который предписывал: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава».

При выполнении этих приказов исключений не делали ни для кого, не беря во внимание прошлые заслуги. Расстреливали, в том числе офицеров самого высокого ранга. Среди казненных оказались командир и комиссар 133-й стрелковой дивизии Александр Герасимов и Григорий Шабалов. Им ставилась в вину самовольная сдача Рузы. Эти фамилии чаще всего упоминают, когда заходит речь о суровых мерах, которые использовал Георгий Жуков для укрепления стойкости в частях и соединениях фронта. Но парадокс состоит в том, что именно Герасимов и Шабалов виновными в оставлении Рузы не являлись. Герасимов вообще был командиром одного из полков 133-й СД.

Дивизия находилась в районе Калинина, когда она получила приказ передислоцироваться на Московское направление в распоряжение командующего 5-й армией генерала Леонида Говорова.

Из 30 эшелонов соединения к новому месту назначения прибыли только 13 во главе с комиссаром Шабаловым. Основные части дивизии, как и её действующий командир генерал-майор Василий Швецов, из-за перерезанной немцами железной дороги остались у Калинина и продолжили там воевать. В районе Рузы оказались три батальона соединения и некоторое количество дивизионной артиллерии. Бригадный комиссар Шабалов принял командование на себя и то ли не доложил командующему армией о реальных силах, которыми он располагал, то ли по какой другой причине, но трём батальонам поставили боевую задачу как соединению. Командиром дивизии назначили Александра Герасимова, который фактически и не принимал новой должности, но был расстрелян вместе с комиссаром. Некоторые исследователи считают, что командование фронта, передав в трибунал Герасимова и Шабалова, скрыло собственные ошибки, приведшие к потере Рузы.

Но факт остается фактом: среди безвозвратных потерь в наших частях по-прежнему высокий процент составляли пропавшие без вести бойцы и командиры. В большинстве случаев это означало, что они оказались в плену. Были ли среди них те, кто добровольно, с оружием в руках сдавался врагу? Как ни прискорбно, но на этот вопрос приходится дать утвердительный ответ.

Экстраординарными методами порядок в войсках удалось укрепить.

В ближайшем фронтовом тылу, которым в эти дни стала столица, в середине октября царили хаос и паника. После того как из Москвы в Куйбышев, другие тыловые города началась эвакуация государственных учреждений, иностранных посольств, театров и музеев, в городе воцарился хаос, начались массовые грабежи магазинов, складов, квартир. По столице курсировали панические слухи, суть которых сводилась к тому, что Москву вот-вот сдадут гитлеровцам.

В некоторых источниках мне довелось прочесть, что 16 октября из московских репродукторов (радиоприёмники с началом войны у населения были изъяты) вдруг полилась хорошо известная советским гражданам песня «Марш авиаторов», исполненная на немецком языке. Тут уж всерьез можно было решить, что гитлеровцы в

городе. В официальных документах я подтверждения провокации с «Маршем авиаторов» не нашел. Эта история вполне может оказаться выдумкой, но причин для введения 20 октября в Москве осадного положения хватало и без провокационной трансляции по радио.

Командир 57-й стрелковой бригады майор Иван Ефстифеев, обучавшийся в октябре в Москве в Академии Генерального штаба РККА, на допросе в немецком пленку 30 июня 1942 года так рассказывал о происходивших в городе событиях: «В создавшейся панике, считая, что скоро тут будут немцы и наказывать будет некому, рабочие часто нападали на комиссаров и милицию». Оставим эти слова на совести комбрига, судьба которого по сей день неизвестна. Но ситуация в столице несколько дней оставалась очень сложной. Она вошла в историю Великой Отечественной войны как «московская паника» или «московский позор».

Ситуацию спровоцировали, как сейчас принято считать, массовая эвакуация органов государственной и партийной власти, закрытие и минирование предприятий. Рабочих и служащих заводов в буквальном смысле вышвыривали на улицу, не потрудившись выдать им зарплату.

Прекратили работу магазины, метро, наземный общественный транспорт.

Надо признать, что беспорядки в Москве руководство страны и города прогнозировало, но не в тех масштабах и не с такими последствиями, как в реальности. Среди советских, партийных и военных органов управления осознание угрозы захвата столицы нацистами после 3–4 октября возрастала день ото дня и к середине месяца превратилась почти в паническую уверенность, что Москву удержать не удастся.

В ночь на 16 октября Лаврентий Берия, совмещавший должности заместителя председателя Совета народных комиссаров и наркома внутренних дел, собрал в клубе НКВД первых секретарей райкомов ВКП(б) столицы. Он сообщил: «Связь с фронтом прервана. Оставьте в районе по 500 человек актива для защиты Москвы. Стариков и детей сегодня ночью эвакуируйте из Москвы. Утром раздайте все продукты из магазинов населению, чтобы не достались врагу».

Но уже спустя сутки на совещании в Кремле вечером 16 октября Сталин, заслушав информацию о ситуации в городе, обратившись к секретарю МК и МГК ВКП(б) Александру Щербакову, распорядился: «Нужно немедленно наладить работу метро и трамвая. Открыть булочные, столовые, магазины, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину (председатель Мосгорисполкома . — **Авт.**) надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию».

17 октября из Куйбышева прилетел специальный самолет с деньгами для выдачи зарплаты на предприятиях города.

Очевидцы вспоминали, что некоторые взрослые жгли партийные билеты, дети прятали пионерские галстуки, а дамы готовили лучшие наряды для встречи немцев, даже в кошмарных снах не догадываясь о планах гитлеровцев по уничтожению города и его жителей. Но москвичей, готовых бросать к ногам оккупантов цветы, было мало. Поэтому порядок в столице восстановили быстро. Большое психологическое воздействие на москвичей оказало сообщение, что Иосиф Сталин остался работать в городе, хотя изначально планировалась его эвакуация. С этой целью был сформирован специальный поезд, а на чкаловском аэродроме, если эвакуация по железной дороге окажется невозможной, стояли четыре «Дугласа» и истребители прикрытия.

Сталин на неоднократные предложения эвакуировать его отвечал приблизительно так: «Никакой эвакуации, остаемся здесь до победы». Он своё слово сдержал. У населения появилась уверенность, что город сдавать не собираются.

Постановлением Государственного комитета обороны с 20 октября в Москве и прилегающих к городу районах вводилось осадное положение. В столице устанавливался комендантский час, а «провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка», разрешалось «расстреливались на месте». Государственный комитет обороны призвал «всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие».

16 октября в столице начали разгружаться первые эшелоны дивизий, получивших условное собирательное название «сибирские». Значительная часть из них была сформирована по предвоенным штатам, имея в своём составе до 15 тысяч личного

состава и по два артиллерийских полка. Москва укрепляла свою оборону...

То, что первая попытка гитлеровцев захватить столицу Советского Союза провалилась, стало ясно 29–30 октября. Активность немцев стала падать, им требовались отдых и перегруппировка сил.

«Тайфун» взял передышку, а в Москве состоялся парад

И в те дни, и гораздо позже октябрьскую неудачу гитлеровские генералы и симпатизирующие им историки охотно списывали на распутицу и прочие погодные сюрпризы, которые преподносит русская поздняя осень. Но климатические трудности испытывали обе противоборствующие стороны, поэтому причины провала операции «Тайфун» следует искать в другом.

Стойкость и боевое мастерство советских войск росли. Ставка, перебросив на оголившийся участок фронта стрелковые, кавалерийские и танковые соединения с других направлений и из восточных регионов страны, восстановила оборону на московском направлении, встретившись с ней, и растерял силу гитлеровский «Тайфун».

Наступившую передышку советское командование использовало для дальнейшего наращивания сил на центральном направлении. Георгий Жуков вспоминает, что «с 1 по 15 ноября Западный фронт получил в качестве пополнения 100 тысяч бойцов и офицеров, 300 танков, 2 тысячи орудий».

В этот период Красная Армия впервые в заметном количестве начала получать бронетехнику от западных союзников. Конечно, британские «Валентайны» и «Матильды» трудно отнести к лучшим машинам Второй мировой войны, но все-таки они несопоставимы по боевым качествам с легкими танками Т-40 и Т-60, получившими у бойцов название «БМ-2», что означало «братская могила на двоих».

Появление английской бронетехники на Восточном фронте стало неприятным сюрпризом для немцев, получивших зримое подтверждение крепнущего взаимодействия

стран антигитлеровской коалиции.

Одновременно с укреплением действующих соединений Западного фронта Ставка приступила к формированию трех свежих армий в непосредственной близости от Москвы. Постепенный ввод резервов, как правило, является вынужденной мерой. Для достижения масштабных целей требуется массированное использование свежих соединений. С этой целью Ставка и приступила к формированию новых армий. Эшелоны с войсками для их формирования разгружались исключительно в ночное время. Комплексные меры маскировки и соблюдения секретности позволили скрыть от немцев создание новых объединений, которым предстоит сказать решающее слово в ходе предстоящего контрнаступления.

7 ноября на Красной площади прошел традиционный парад, посвященный 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, который стал историческим. Есть сведения о том, что Сталин решил его провести именно 16 октября, на пике беспорядков в Москве. Исследователи отмечают политическое значение парада, демонстрирующее готовность Советского Союза продолжать борьбу с захватчиками. Но не менее важна и его военная роль.

Вскоре после неудачного для немцев завершения первого этапа операции «Тайфун» по Красной площади маршируют свежие стрелковые соединения, проходят танки, в том числе КВ и Т-34. В торжественном шествии 7 ноября приняли участие 28 487 человек, 140 артиллерийских орудий, 160 танков и 232 автомобиля. Парад свидетельствовал не только о моральной готовности советского руководства продолжать борьбу, но и демонстрировал наличие у него необходимых для этого сил.

В большинстве описаний парада 7 ноября 1941 года присутствует стандартная формулировка, суть которой сводится к тому, что войска, задействованные в торжественном прохождении, с Красной площади отправлялись на передовую, под Москву. К счастью, такой необходимости не существовало. Войска после парада направлялись на различные участки фронта, в том числе на северо-запад, где 12 ноября начнется одна из первых по-настоящему успешных наступательных операций Красной Армии, результатом которой станет освобождение Тихвина и его окрестностей, что позволит значительно сократить расстояние «Дороги жизни», ведущей в осажденный Ленинград.

Следует особо подчеркнуть, что для парада ни один боец, ни одно орудие, ни один танк с фронта не снимались.

Кроме Москвы, парады 7 ноября прошли в Куйбышеве и Воронеже.

(Продолжение следует)

Константин КОРОТОВ,

генеральный директор

«Корпорации развития Камчатки»